

Евгений Бузни

СУДАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ

Эпистолярный роман

Евгений Бузни

Суданская трагедия любви

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бузни Е. Н.

Суданская трагедия любви / Е. Н. Бузни — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Это история неразделённой любви, произошедшей в Судане с молодым российским переводчиком, которая почти полностью повторилась с журналистом, поехавшим в Судан из Москвы, спустя сорок лет. Мистические совпадения позволяют читателю сопоставить события, имевшие место в жизни героев с почти полувековой разницей. В романе любовь переплетается с политикой, мафией и простой обычной жизнью Африки и России. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Бузни Е. Н., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

СУДАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ	6
СУДАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

ЕВГЕНИЙ БУЗНИ

СУДАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ

Эпистолярный роман

ЕВГ. БУЗНИ

СУДАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ ЛЮБВИ

Эпистолярный роман

Это история неразделённой любви, произошедшей в Судане с молодым переводчиком, которая почти полностью повторилась с журналистом, поехавшим в Судан, спустя сорок лет. Мистические совпадения позволяют читателю сопоставить события, имевшие место в жизни героев с почти полувековой разницей.

МОСКВА

2017

Вместо предисловия МУМКЕН, КОХАНКО!

Сознавая смысловой перегруз названия, которое дал своему роману Евгений Бузни: «Суданская трагедия любви», – я не только не хочу упрощать его ради простого изящества, но готов ещё и усложнить. Например, так: Судано-Славянская трагедия... Или даже так: Украина-Суданская...

Помилуйте: где Судан, где Украина? Не безумеют ли пространства в глобальном выворачивании? Нет ли тут сюрреалистической уловки?

Нет. И чтобы показать это, я процитирую из романа Бузни маленький фрагмент, в котором как в капле отражается пересечение потоков:

В городке, где жили наши специалисты, дорожки между домами убирали бедные индианки. Один наш молодой инженер пригласил понравившуюся ему девушку убрать в доме, там вымыл её в ванной, занялся с нею любовью и на прощанье заплатил сто рупий. Всё бы было ничего, но на следующее утро перед его домом выстроилась целая очередь улыбающихся смущённо девушек, желавших заработать таким способом. Этот факт был замечен, и парня тут же отправили в Союз за неслужебными сношениями с иностранцами.

При всей хорошо продуманной бесхитростности этого эпизода, в нём опытной рукой литературного профессионала высвечена, помимо сексуальной и денежной сторон (вполне ожидаемых), ещё и сторона санитарно-гигиеническая, куда более свежая. Сторона идеологическая – само собой: в середине 70-х годов советскому инженеру, обнаружившему такой эротический темперамент, путь за границу бывал заказан.

Однако эпоха Перестройки диктовала своё: развивающиеся страны вставляли в советский фарватер, ширился обмен студентами, темнокожие девушки приезжали в Союз и поступали в вузы, наши молодые специалисты, их друзья-однокашники, всё чаще выезжали к ним «на Юг».

Те и другие возвращались домой, не очень-то озабоченные последствиями. Между тем, последствия обнаруживались довольно скоро: стали появляться на свет синеглазые негритяночки, они вырастали в ослепительных красавиц, не зная, куда подевались их отцы, да и отцы мало что знали о своём экзотическом потомстве.

Чтобы стянуть разлетевшиеся концы, Евгений Бузни мобилизует такой испытанный жанровый инструмент, как письма.

Письма пишутся, хранятся, складываются в заветную пачку, перевязываются ленточкой.

Во время очередного переезда пачка ненароком вылетает из вещей и шлёпается в дорожную грязь. Откуда её подбирает любознательный журналист и начинает искать авторов и адресатов. Жанр определён в подзаголовке: «Эпистолярный роман».

В конце концов, герои романа, на сорок лет постаревшие, и их выросшие дети, находят друг друга. Обливаясь слезами радости, знакомятся, сходятся, празднуют новые брачные союзы за длинными застольями в разветвлённых восточных семьях, где братья и сёстры от

вторых, третьих, четвёртых жён (сколько разрешает религия) принимают их как близких родственников... и не хотят вспоминать, через какое опустошающее, огненное поле прошли, отыскивая друг друга.

Вспоминает – повествователь: журналист, знающий, что такое горячие точки, раненный, перевязанный – автор и герой телерепортажей, – он начинает так:.

– Мир устроен поистине удивительно. Всё в нём загадочно, сложно и непонятно. Особенно судьбы людей. Они по какому-то необъяснимому закону или по стечению случайных обстоятельств сходятся и расходятся, переплетаются в замысловатые клубки с тысячами узлов соприкосновений, хотя каждая судьба имеет своё начало и свой конец. Но лабиринты жизней настолько запутаны, что порой абсолютно нет никакой возможности найти эти самые начала и концы судеб, которыми управляют то одни, то другие люди.

Почему это так?

Понять и объяснить трудно. Какой-то лабиринт...

– Я не могу понять ход истории, и есть ли у неё закономерности...

Такого зачина достаточно, чтобы мы стали искать закономерности, окидывая взглядом то самое поле, через которое перешли герои своей жизнью.

Полей – два.

Одно – Судан. Центр Африки.

Другое – Украина. Центр Европы.

Рассечены оба военными конфликтами. Одно – по линии Север – Юг. Другое – по линии Запад – Восток.

Журналист-повествователь ищет героя, перебираясь из Хартума в Вау и обратно, а герой обнаруживается в Киеве, куда он перебирается из Крыма, чтобы поучаствовать в Майданских разборках.

Герою уже под шестьдесят. Его дочери, выросшей в Судане, под сорок. Самое время познакомиться и сравнить жизненные пути.

Надеясь на чувство юмора у читателей, Евгений Бузни предлагает линию сходства с... санитарным уклоном (недаром же присноописанный советский персонаж мыл свою избранницу в ванной). Вот и сравним.

Судан

В столице почти нигде нет водопровода и канализации... Туалеты вовсе отсутствуют. Жители справляют нужду на обочинах дорог и в любом другом удобном для них месте. Скрываться при этом от чьих-то глаз тут не принято.

Неужто в Киеве найдётся что-нибудь в этом духе?

Находится!

В госпитале, куда привезли раненного на Майдане героя романа, *кто-то не дошёл до туалета и опорожнился на пол...*

В Судане оно понятно, там несусветная жара, и от века принято облегчаться на улицах. Древняя привычка.

В Киеве?...

По случаю выходного дня туалеты превращаются в места, куда невозможно войти. Больные ведь бывают разные. Не каждый справляется со своими нуждами, как того хочется. Вот и происходит так, что вокруг или в самом туалете, дверь которого не запирается по причине отсутствия защёлки, а унитазы без крышек, то кровь разбрызгана, то всё испачкано испражнениями, и убрать за такими больными оказывается некому... В этот день дежурит по больнице заведующий отделением. Безобразие на полу появилось недалеко от его собственного кабинета. Он не может не заметить, но заходит к себе и читает там газету, пока в течение двух часов решается, кому же из обслуживающего персонала придётся всё-таки прибраться в коридоре, по которому постоянно ходят больные. В конце концов, один из медбра-

тьев после внушительного разговора с ним пациента больницы, надевает резиновые перчатки и наводит в коридоре порядок!

Ах, если бы порядок ограничивался коридором в госпитале. Так высledили же! Не дострелили на Майдане – придут и добьют в палате! И сердобольные медики перепрытывают раненного по другому адресу. Подальше от бандеровцев.

Вот теперь сравним поля боя там и тут, не задерживаясь больше на перекличке туалетов.

Непримиримость, разделившая в Судане северян и южан, в юмористическом варианте выглядит так: северянин (араб) воюет, чтобы обрести в офисе кабинет и стол, а главное – возможность приказать слуге (южанину):

– *Принеси чай!*

Разумеется, среди северян есть и такие кандидаты в господа – относящиеся к южным племенам как к грязной рабочей силе, которую надо заставить работать. Но ведь столько же среди северян и таких искренне убеждённых интеллектуалов, которые уверены, что арабы несут чернокожим туземцам истинную цивилизацию, а те упираются по невежеству или недомыслию. Меж тем, южане сопротивляются вовсе не по недомыслию, а скорее по трезвому расчёту на свежеразведанную нефть, доходы от которой могут уплыть на север.

И пограничные отряды южан, вооружённых отнюдь не только копьями и дротиками, а уже и винтовками, – это вполне современные воинские силы, хотя бойцы и могут иногда облечься (по жару) в традиционные набедренные повязки...

Опять я про туалеты... ладно!

Южная негритянка лицом вся покрыта «пупырышками» прадедовских наколок, с припиленными в ноздре и на подбородке непонятными кнопками, но на шее у неё – крест. Потому что южане успели стать приверженцами католической веры, арабы же с севера несут ислам, который, помимо мировой религиозной доктрины, разрешает забивать людей камнями, отрезать конечности и т.п., чего южане принять не могут.

Русские при каждом повороте политической ситуации оказываются то в друзьях, то во врагах местного населения, и неожиданный плевок от пробегающего негра – лишь прелюдия, а то ведь в окнах сидят снайперы и стреляют по телеаппаратуре, которую издали могут принять за оружие.

Вот и решай тут, кто прав, а кто виноват.

Так не то же самое и на Украине, где энтузиасты Майдана и плюют друг в друга, а снайперы целятся в журналистов? И так же не сообразишь, кто прав, кто виноват?

В картинах гражданской войны, раскровянившей этот наш край, Бузни опирается на актуальные очерки, отнюдь не отошедшие ещё с телеполос и газет в преданья старины глубокой. И горит, и жжёт! И это не та демократия, о которой мечтали (и мечтают) интеллектуалы Запада (и Востока), – западенцы пришли на Майдан не с лозунгами, а с палками и коктейлями Молотова, а если с лозунгами, то с такими, от которых несёт фашистским духом. И воистину Востоку есть, что ответить. Самое же страшное, что до разумных доводов дело не доходит, а решают боевики, отмобилизованные, проплаченные, а то и убеждённые.

И майданская толпа с ними?

И толпа.

Боевики идут дальше – они захватывают здания министерств, бьют окна и двери, громят всё подряд. За ними и с ними идёт взбудораженная толпа. Её восхищает то, что можно безнаказанно крушить, бить, ломать. Она не слышит призывы правительства к переговорам. Не успокаивается частичными уступками. Ей теперь нужно всё и сразу. Она не замечает гибнущих солдат. А если замечает, то в пылу разбуженного гнева говорит: «Так им и надо, пусть не воюют против нас». Бушующая толпа бездумна. Глаза горят. Руки сами тянутся к камням, кирпичам, кольям, палкам, к оружию. Люди начинают упиваться смертями, разгромом...

И тут Евгений Бузни точным диагнозом разделяет: где там толпа, подхваченная безумием, и где народ.

«Народ безмолвствует».

Пушкин помогает выговорить это. В считанных кварталах от Майдана люди продолжают жить и работать (по возможности и по необходимости), переживая и переживая майданское отчаяние. Это, я думаю, самое глубинное, самое пронизательное, самое пронзительное переживание Бузни как романиста.

Любовь хоронится в письмах, а народ должен вынести и выстрадать своё государство. Это – дело эпох и поколений. Что там получится, если придёт Европейский Союз, – бог весть. Не понравится – отойдут украинцы от Евросоюза. Но это тоже потребует времени. И тут не поможет ни легендарно-трагичный Мазепа с его поворотами, ни легендарно комичный Хрущёв с его подарками. Государство складывается веками, народ справляется с судьбой, и да поможет нам тысячелетнее единство, идущее от Древней Руси, и общая земля – Славянский Восток, родная «краина» всех, кого собрала здесь История.

Засим возвращается Евгений Бузни на тот Восток, который раскололся в Судане на Север и Юг, а в мечтах наверное остаётся нерасколотым.

Роман увенчивается гимном Африке. Этот гимн перекликается с гимном России и... Советской Державе.

Мальчишки гоняются друг за другом, другие уже увязались за мной, протягивая ко мне руки и бубня одно и то же. Но меня предупредили в посольстве, что стоит одному дать копейку и от тебя не отвяжется целая толпа. Эти дети – будущее Африки. Сейчас они просят подаяния без какого-либо стеснения, а через секунду будут смеяться и прыгать, не понимая всего ужаса такой жизни. Им неизвестна другая, они ещё не знают, что можно спокойно ходить в школу и быть уверенным, что голод не стянет тебе живот, что можно носить красные галстуки и с замиранием сердца стоять на пионерской линейке, салютовать красному знамени и памяти павших героев, ходить в туристические походы и петь пионерские песни у костра...

У костра надо забыть всё то, что в советские годы было упрятано в лагерные зоны. Юные ленинцы далеко не всегда знали о той цене, что уплачена была за красные галстуки. Это теперь без Гулаговскаого Архипелага нет Советского Союза, а в годы сталинской диктатуры счастливо горит пионерский костёр, и это естественно...

И в Африке такое возможно?

Всё, что в нашей стране кажется таким естественным, и что иногда мы даже сами не ценим, здесь совершенно отсутствует. Если этим детям бросят на улице пиастр, они кинутся отнимать его друг у друга, и никто не обратит на них внимания. Грязные, почти раздетые, они будут через несколько лет не просить, а требовать и отстаивать свои права, как это делают сегодня студенты Хартумского университета. Вполне возможно, что нынешние мальчишки станут просто бандитами, добывая себе на пропитание силой и беззаконием.

А какие законы уважает нынешний российский предприниматель, кроме закона денег? Что же до будущего, то ещё вопрос, как станут добывать себе средства существования наши московские мальчишки, когда вырастут.

Так вернёмся вместе с Евгением Бузни в Африку? Там хотя бы всё просто. Особенно когда глядишь с самолёта:

Богатство магазинов и нищета горожан.

А если, преодолев жару, спустишься в посёлок... Ни с самолёта, ни даже из машины ничего ведь не увидишь... Чтобы почувствовать Африку, надо идти пешком. Вот тогда всё почувствуешь. Если ещё и наступишь на змею, которая не догадается убраться с твоей дороги... Или если наткнёшься на жирафа... Нет, на леопарда... Нет, на крокодила, сторожа-

щего добычу на мелководье, где брод. Да и в лодке надо плыть с опаской – спустишь от жары ногу в воду – схватит и утащит на дно, с концами.

А в доме – безопасно?

Безопасно. Пока не наткнёшься на тарантула, который тоже живёт в доме.

Нет, настоящая красота Африки – это джунгли.

Джунгли здесь практически непроходимы. Но и богаты же они своим разнообразием. Одни названия деревьев чего стоят: красное, чёрное эбеновое, железное, шерстяное, хлебное, масличное. В сени этих гигантов можно встретить крокодилов и бегемотов, буйволов и леопардов, слонов и носорогов, львов и гепардов, тысячи обезьян, сотни видов птиц: страусов, марабу, аистов, пеликанов – это необыкновенный, медленно уходящий от нас в небытие мир природы. Уходящий, потому что человек неустанно губит всё то, что некогда его породило и что служило ему верой и правдой.

Уходящий... Губит... Вот откуда горестный скепсис Бузни, отказывающегося понимать и оправдывать лабиринт современной цивилизации.

Хорошо было человеку, по этой земле два с половиной миллиона лет назад!

Быть может, этому нашему предку довелось видеть такие же растения, что видим мы.

А теперь? Можно ли любовью одолеть всю ту круговерть, которая душит современного человека и делает его любовь – трагедией?

Отвечает роман на этот вопрос – магически всеильным и мистически загадочным словом: «Мумкен».

Что в переводе с языка суданцев означает: «Можно».

Я взял это слово в заголовок моей статьи в сцепке с другим словом: «Коханка». Оно понятно без перевода – и русским, и украинцам, и тем африканцам, которые успели полюбить нашу страну и её историю.

Лев Аннинский

ВСТУПЛЕНИЕ, С КОТОРОГО НАЧИНАЕТСЯ ВСЁ САМОЕ НЕПОНЯТНОЕ

Мир устроен поистине удивительно. Всё в нём загадочно, сложно и непонятно. Особенно судьбы людей. Они по какому-то необъяснимому закону или по стечению случайных обстоятельств сходятся и расходятся, переплетаются в замысловатые клубки с тысячами узелков соприкосновений, хотя каждая судьба имеет своё начало и свой конец. Но лабиринты жизней настолько запутаны, что порой абсолютно нет никакой возможности найти эти самые начала и концы судеб, которыми управляют то одни, то другие люди.

Бывает так, что мимо одной судьбы пройдёт случайный прохожий, обронит так, между прочим, одно лишь слово, и тем самым изменит всё направление неожиданно попавшейся ему навстречу чьей-то жизни, а сам не знает и не ведаёт о том, уходя дальше. Непостижимые тайны кроются в нашем бренном существовании, делая одних людей скептиками, других суеверными, третьих пьяницами, четвёртых весельчаками, пятых революционерами, и так по всем направлениям удивительной, восхитительной, замечательной своей непредсказуемостью жизни, когда, ежеутренне просыпаясь, пытаешься раскрыть для себя загадку предстоящего дня, но так и не попадаешь в её сердцевину, так и не справляешься с нею до конца, всегда оставляя хоть что-то нераспознанным, неузнанным. А узнать ой как хочется, и продолжаешь жить в надежде, что это сбудется и всё прояснится. Однако приходит другой день, и появляются новые загадки, о которых тоже, кажется, крайне необходимо получить для себя ответ.

Вот и сейчас я вынужден коснуться одной тайны – тайны находок. У нас в народе говорят: «Никогда никто не знает, где найдёт, где потеряет». Это абсолютно верно, ах, как верно, однако

всё же хочется, всегда мечтается что-то найти такое, чтобы аж дух захватило от радости, мол, нашёл, нашёл-таки, чего никогда не видел.

Нет, не приключенческие романы рожают кладоискателей, а вечное, дарованное человеку с рождения стремление к поиску необычного, что вырывает из рутины жизни, бросает в неизведанное, заставляет писателей фантазировать, описывая необыкновенные путешествия, принуждает иных людей становиться учёными с единственной целью найти что-то новое, без которого и сон не сон, и жизнь не жизнь.

Всё это я говорю к тому, что совершенно случайная моя находка положила передо мной как на ладони судьбы людей, которых я совершенно не знал и, могло так случиться, что никогда бы и не узнал, но...

Да, так вот об этой находке. Собственно говоря, её и находкой нельзя назвать в прямом смысле, поскольку я ничего не искал в то время. Хотя, как мною было уже упомянуто, человек всегда что-то ищет глазами, ушами, душой. Вы скажете, что душой ничего не ищут? Но вы же не станете отрицать поэтическую фразу: «Душа к душе стремится»? А коли стремится, то и ищет ту душу, к которой потянет. Стало быть, и душа находится в вечном поиске ответной души. И если что-то встретилось тебе, то это и будет находкой.

Так что в этот раз, когда я, будучи в одной из своих командировок, оказался на оживлённой трассе, ведущей в Крым, где-то между Запорожьем и Мелитополем, случилось то, что происходит иногда почти с каждым колёсным транспортом.

Место открытое. Жилых домов поблизости на виду не было. Речку какую-то небольшую только что пересекли по мосту, и пошли поля.

Я к тому описываю некоторые подробности этого обстоятельства, что до сих пор не могу понять ход истории и есть ли у неё закономерности. Так что вдруг некий читатель прочтёт эти строки, и его осенит догадка, которая поможет понять до конца суть запутанного клубка связавшихся со мною судеб.

А случилось вот что. Машина наша, весело мчавшаяся в Крым, ухитрилась неожиданно охрометь на одно колесо, и мы с водителем, прежде чем взяться за работу по хирургической операции замены инвалидной покрышки запасной целой, решили немного пройтись вдоль дороги, чтобы размять засидевшиеся в долгом пути органы наших тел, оживить ток крови по жилам. Думаю, каждому когда-либо передвигавшемуся на дальние расстояния в автомобильном транспорте, знакомо это состояние восторга души при выходе из машины, когда хочется потянуться руками, распрямить плечи и, может, даже подпрыгнуть или побежать, как бы проверяя всё ли в порядке, всё ли способно нормально двигаться, не засиделся ли до невозможности ощущать себя словно птица в полёте.

Погода стояла отличная. Была самая чудесная пора весны, успевшей принарядиться в сарафан свежайшей нежной зелени. Сливы и яблони, украшая кое-где собой дорогу, словно первые модницы, добавляли к зелёному наряду белые кружева цветения. В совершенно невидимом прозрачном воздухе и вместе с тем необыкновенно ярком от сияния солнца слышалось щебетанье, чириканье, свист, вливающиеся в дружное стрекотание кузнечиков и периодическое жужжание шмелей да пчёл, проносящихся своими воздушными трассами. У всех весной была масса дел. Дурманящая сладость ароматов никому не давала покоя. Это весна. Небо видится огромным опрокинутым бокалом из тонкого чешского стекла, голубизна которого особенно по краям до дрожи в сердце волнует душу своей чистотой и тонкостью переливания красок.

Ни о каких кладах в такие минуты не мечтаешь, ибо сама жизнь предстаёт таким прекрасным неоценимым явлением, что большего клада и найти, кажется, невозможно.

Мы шли по обочине, утопая в мягкости опушённой травой почвы. По сверкающему отражениями асфальту мимо проносились сотни, тысячи людских судеб, развивая бешенные скорости в своих волгах, жигулях, москвичах, ЯЗах и КраЗах, фордах и нисанах. Какие только

машины ни встретишь на этой популярнейшей транспортной артерии Москва – Симферополь, вытянувшейся указующим перстом на юг?

И вот из одной молекулы этой кровеносной вены украинского края, явившейся в виде громадного грузовика, заполненного до отказа ящиками, шкапами, чемоданами и узлами, торчащим торшером, засунутым второпях, словом, обычным домашним скарбом, переезжающим с одного адреса на другой, и едва прикрытым поверх недостаточно широким брезентом, вздувающимся на ветру, из этого смерча, пронёсшегося мимо нас, сорвался и побежал по дороге, как бы пытаясь догнать беглеца, небольшой белый пакетик.

Я тут же закричал:

– Эй, стойте! Возьмите пакет! – и замахал руками.

Но это было смешно, по-моему, даже птицам, потому что услышать меня мог скорее самолёт, буравивший небо своим клювом, оставляя за собой в небе дорожку белых опилок, чем ревущее чудо автомобильной техники, исчезнувшее из наших глаз столь же быстро, как появилось.

Мы подошли к пакету. Он успел отлететь жалобно в придорожный кювет. Я поднял находку. Это оказалась пачка писем, аккуратно перевязанных розовой ленточкой.

Мне захотелось ещё раз закричать во весь голос:

– Эй, возьмите письма!

Но мимо просвистела длинная вереница чёрных Мерседесов и прочих иномарок в сопровождении верещащих машин с мигалками, и на секунду всё стихло.

Пока я с любопытством, присущим всем журналистам, рассматривал пачку писем, аккуратно перевязанную розовой ленточкой, что подсказывало женскую руку, ибо не станет же мужчина перевязывать свои письма столь романтическим образом, мой компаньон-водитель уже принялся за своё дело: достал домкрат и прилаживал его под машину, дабы освободить ослабевшее в долгой дороге колесо от тяжести автомобиля. Я положил находку в свой дорожный кейс и принялся помогать в решении колёсной проблемы. Решили.

Снова дорога мчится навстречу, исчезая под нашими колёсами. Мастер движения Ваня спокойно держит обе руки на баранке, контролируя ситуацию, легко обгоняя ползущий, как мне кажется, грузовой транспорт и отдельных частников, берегущих личные автомобили или ещё не уверенные в своих возможностях.

Мы на редакционной Ауди. Она комфортна и быстра. Ваня с большим водительским опытом, начинал ещё в советские годы, да и называть его правильнее было бы Иван Михайлович, учитывая почти пенсионный возраст. Но так уж случилось, что пришёл он в редакцию в качестве шофёра чуть ли не с первого дня работы новой газеты, и его сразу стали называть Ваней, да так и представляется он теперь по привычке «Ваня без отчества». Дела газеты его откровенно никогда не интересовали. Я даже не уверен в том, что он читает свежие номера. Поэтому то, что он говорит мне сейчас, явно никакого отношения не имеет к теме моей командировки, хотя задание моё как раз связано с дорогой в Крым.

Богатая туристическая фирма заказала статью о прелестях отдыха на Южном берегу Крыма в противовес ставшими популярными турами в Турцию, Египет, Таиланд и другие дешёвые места отдыха. Да, украинский Крым стал дороже и менее популярным. Кому-то, может, самым крымским властям, пришло в голову поправить положение, и вот я мчусь за их деньги по весьма приличной трассе, которую, правда, нельзя пока сравнивать с супер отличными международными трассами, где по центральной линии широкой бетонированной полосы проложены светящиеся пунктиры, не позволяющие ошибиться, по какой полосе ехать, в самую тёмную или ненастную ночь.

Я делаю вид, что внимательно слушаю беззаботную болтовню Ивана без отчества, а на самом деле мысли мои заняты только что найденным пакетом писем. Не терпелось раскрыть хотя бы одно и прочитать. «Разумеется, – думал я, – в этом есть что-то нехорошее – читать

чужие мысли без разрешения, но у кого же спросить? Да и письма ли это на самом деле? А вдруг это какие-то отчёты, старые счета, то есть давно ненужные бумаги, которые кто-то попросту выбросил из кабины, а я, как дурачок, кинулся, чтобы найти адресата и вернуть?» Рука потянулась было к кейсу, чтобы проверить предположение. Но другая мысль опередила руку: «Кто же станет аккуратно складывать стопочкой и перевязывать ненужные бумаги красивой розовой ленточкой? И почему сразу пришло в голову, что это письма? Ну, понятное дело: видно было, что это листы, сложенные по крайней мере вчетверо, и первая страница исписана ровным почерком. Обращения не было, так это же не начало письма».

Сам я давно писем не писал. А зачем? Сегодня почти повсеместно властвует электроника. Сел за компьютер, включил и вот уже живёшь в ином мире: пиши письма, кому хочешь – и оно через считанные секунды будет у того, с кем хочешь поделиться мыслями. И он может тут же ответить. Более того – включаешь скайп и, пожалуйста, смотри на своего собеседника, общайся лицо в лицо, глаза в глаза. Какой смысл писать письма?

Между прочим, дорогой читатель, я так легко употребил слово «скайп», поскольку ежедневно пользуюсь его услугой, и совсем вылетело из головы, что огромное количество людей, как жителей нашей страны, так и по всему миру, совершенно не знают нового слова техники, а потому и не понимают написанного.

Да, время не просто шагает, а буквально летит вперёд. Когда-то заговорили о видеотелефонах. Тогда можно было позвонить в другой город с междугородной телефонной станции и увидеть своего собеседника на экране. Но это было весьма дорого и далеко не повсеместно. Теперь же любой, у кого есть компьютер и миниатюрная видео камера, может, комфортно устроившись у себя дома, во мгновение ока связаться с другом или родным человеком, находящимся за тысячи километров от этого места, и видеть его, как говорят сейчас, в режиме реального времени и разговаривать запросто, словно он сидит рядом. Это, конечно, далеко не то же самое, что говорить по телефону, не видя ни блеска глаз, ни насмешливой улыбки, ни вздёрнутого носика любимой девушки, ни окружающей её обстановки.

Нет, это не всем понятно. Как-то пришёл я к своему другу, известному поэту, и он просит меня отнести его последние стихи в редакцию журнала. Сам уже по возрасту ходить не может. Я и говорю ему:

– Так мы же можем отправить стихи по электронной почте.

– Как это? – спрашивает.

– Да очень просто, – говорю, – я сосканирую стихи на компьютер и отправлю в редакцию. Через минуту они будут уже перед глазами редактора.

– Ты шутишь, – отвечает мне друг, у которого и компьютера нет, а когда я предложил купить его, то широко известный поэт, не стеснённый в средствах, наотрез отказался, заявив:

– Мне эти современные штучки непонятны и не нужны.

Да-да, техника развивается настолько быстро, что не всякое сознание за ним поспевает.

Сама идея писать письма родилась в доисторические времена, на заре существования человечества. Когда первобытный человек взял в руки палку, которая разогнула его и сделала собственно человеком, он уже тогда счёл необходимым общаться друг с другом путём изображения на скалах различных животных и людей, изображений эпизодов жизни. Это была информация для других. Но информации становилось всё больше, и всю её нельзя было отразить рисунками. Появилась клинопись. Древние писари выводили буквы на века по дощечкам, покрытым воском, палочкой, которую называли стило. Но это ещё были отчёты для всеобщего обозрения. И значительно позже пришли на помощь перо и бумага. Тогда-то люди научились писать друг другу письма, вкладывая в них свои души. Миллиарды писем разлетались по земле в разные стороны, разнося с собой чужие мысли. Одни письма сжигались, другие бережно складывались, но истлевали со временем, третьи публиковались в собраниях сочинений именитых писателей. Да мало ли что могло произойти с клочками бумаги, на которых то ли бисерными

буковками, то ли размашистым широким почерком выражались чувства любви или ненависти, низкопоклонного почтения или абсолютного презрения.

Но я отвлёкся от оброненных писем, хотя всё вышеизложенное имеет отношение к тем странностям, о которых я собираюсь рассказать.

Вы обращали когда-нибудь внимание на то, что события в мире как бы вращаются по спирали? Они вообще-то разные, однако часто бывают похожими друг на друга, словно повторяются, но в какой-то иной плоскости, в каком-то более совершенном виде, то есть на более высоком уровне. Не случайно же некоторые люди убеждены, что уже жили когда-то, а теперь живут снова. На мой взгляд, это чепуха, не стоящая серьёзного обсуждения, но ведь многие убеждены в обратном. И то, о чём я буду рассказывать читателю, как раз противоречит моим собственным взглядам на жизнь. Я-то считаю, что всё происходившее является не чем иным, как обычным совпадением, но я только повествователь, а выводы делать читателю. Так что в путь, дорогой собеседник!

ГЛАВА 1 ПЕРВАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ, КОТОРАЯ ЗАСТАВИЛА СЕРЬЁЗНО ЗАДУМАТЬСЯ

Статья моя, а точнее очерк о приятном путешествии в Крым на машине и о прелестях полуострова в сопровождении красивых фотографий моего же исполнения была опубликована и вполне возможно повлияла на некоторый рост числа туристов в этом году. Я описал восхитительную природу края, его вечнозелёное убранство из елей, сосен, кипарисов, вдыхать ароматы которых одно удовольствие, не говоря о полезности для организма дышать смесью озона морской воды и того, что дарит нам, не уставая, зимой и летом вечнозелёная растительность. Правда, я не упомянул при этом, что в самой Ялте, например, или в Евпатории сейчас основное внимание уделяется как раз не природным особенностям, а развлекательной стороне туристов и выкачиванию из них денег всевозможными способами, превратив набережную в сплошной торговый центр и площадку экстравагантных выступлений разных индейцев, клоунов, жонглёров мячами и вниманием не подозревающей подвоха публики.

Мне очень не понравилась эта вакханалия уличных музыкантов, художников, танцоров, фотографов, гадалей, дрессировщиков обезьян и удавов, продавцов пляшущих на нитках кукол, сувениров, цветов. Какое тут море? Его не только не слышишь, но, наверное, и не видишь за всеми развлекалками. От обилия предложений, за которые надо платить деньги, кружилась голова. Сюда нужно ехать только состоятельным людям. Собственно, для них и нужно было делать рекламу. Для них я и делал своё дело, напроць забыв о пачке писем, заброшенной глубоко в чемодан.

Это был не только новый Крым. Это была и новая Россия, чьё население разделилось на два основных класса: класса создателей всего необходимого, то есть трудящегося человечества, постоянно озабоченного ростом цен, не имеющего возможности ездить по курортам мирового значения, и класса потребителей, тратящего деньги не столько по потребности, сколько по интересу, поскольку цены для них не имеют особого значения. Для них теперь была Ялта, да и весь Крым, если говорить о его курортных уголках.

Но я писал заказ именно последних, а, стало быть, только то, что могло привлечь толстые кошельки. Я должен был жонглировать вниманием читателя, и потому мысли о чём-то другом пришлось отбросить временно в сторону. Нетронутая пачка писем легла в ящик рабочего стола и затихла. Но, как иногда говорят, нет ничего более постоянного, чем что-то отложенное на время. Вспомнить о письмах мне удалось, когда главный редактор вызвал к себе в кабинет и предложил срочно лететь в командировку.

На голову выше меня ростом, как, впрочем, и положением (я простой корреспондент, а он – главный), вдвое шире меня, так что сразу было видно по фигуре и по лицу, что он

начальник (тут уж не перепутаешь), главный остановил на мне проникающий в самое нутро взгляд, говоря:

– Вот какое дело. Ты, мне говорили, неплохо владеешь английским.

Я скромно кивнул головой, ответив:

– Это есть, шеф. После журфака учил язык на курсах. Получил диплом.

– Вот-вот, – продолжал главный, удовлетворённо откинувшись грузным телом на спинку кресла, – владеешь. Ну, ты у нас не один такой умный. Но тебя мы ещё за рубежом не пробовали. Сам знаешь, желающих поехать куда-то полно. Выбор есть.

Не знаю, стоит ли пояснять читателю, как сильно забилося моё сердце от сознания близкой возможности зарубежной командировки? Давняя мечта, которая не сожгла ещё душу только по причине частых поездок по стране, которые не оставляли времени на тоску по более дальним путешествиям. Стать разъездным корреспондентом по разным странам мира, повидать весь свет – это ли не счастье? Но вступительное слово главного по поводу наличия многих претендентов было явным намёком на то, что от меня чего-то ждут помимо знания английского языка.

– Шеф, – воскликнул я восторженно, представляя себя уже шагающим с фотоаппаратом по Лондону, – если что нужно с моей стороны помимо текста и фото, так только скажите. Кого-нибудь застрелить, зарезать, свалить с трона?

Я думал, что последние слова звучат хорошей шуткой, но главный поморщился.

– До такого ты ещё не дорос. Всё гораздо проще. Ты знаешь, что мы выступаем часто спонсорами, шефами, помогаем инвалидам и так далее?

Энтузиазм мой несколько ослабел от этих слов, так как понял, что речь пойдёт о дележе моей зарплаты и тут же получил подтверждение мыслям.

– Зарубежная командировка хорошо оплачивается нами, но нужно же из чего-то и фонд создавать.

Теперь главный не смотрел мне в глаза, отведя взгляд на окно, за стеклом которого, очевидно, ему виделся этот фонд.

– Понятно, шеф, – бодро ответил я, сразу сообразив, что командировка может так же легко уплыть от меня, как неожиданно появилась. – Фонд – дело святое. Сколько потребуется, столько и внесу. А куда и когда ехать?

Главный посмотрел на меня, расплываясь в доброй улыбке:

– Я знал, что договоримся. Ты парень молодой, у тебя всё впереди.

Ясное дело, для почти семидесятилетнего редактора мои сорок лет – это молодость.

– А лететь, не ехать, нужно в Африку. Слышал такую страну Судан? Говорят, правда, курица не птица, Судан не заграница, но для начала это тоже хорошо. Хотим разобраться, что там сейчас происходит? Через пару недель полетишь. Иди в секретариат, получай задание, оформляй визу, командировку, перед отлётом ко мне. А по поводу фонда не распространяйся. Мы свой имидж перед обществом должны поддерживать, но не станешь ведь каждому объяснять, что и как делается. Это в прежние времена за всё отвечало государство. В нынешние дни всё иначе.

Шеф любил вставлять слова из народной речи, тем самым как бы приближаясь к народу, опускаясь к нему. Скажи он «нынешние» – это выглядело бы как политическое высказывание, которое можно было бы расценить и негативно. А так слово «нынешние» звучит уже будто шутка и, слыша его, ты уже не думаешь всерьёз о том, что за свою поездку за рубеж надо дать шефу на лапу, которую он мягко обозвал фондом помощи инвалидам и так далее.

Впрочем, для меня всё это было далеко не новым, ибо и в газету, ставшую весьма заметной в жизни страны, попасть журналистом было не просто. Там тоже требовалась помощь какому-то фонду. Но мы к этому успели привыкнуть, поэтому меня не удивляло то, что для быстрого оформления документов – сроки-то были сжатыми – приходилось и за подготовку

загранпаспорта платить нужному человеку, за ускоренную визу – другому, за необходимые справки – третьему, четвёртому, пятому.

Короче говоря, вылет мой был назначен на десятое декабря. За окном мела метель и стояли двадцатиградусные морозы. Оставалось три дня. Вечером, устроившись дома за своим столом, выдвинул ящик, чтобы проверить, что я не успел сделать перед отъездом, и на меня глянула укоризненно пачка писем, перевязанная красной ленточкой. Почти машинально развязал пачку, взял лежавшее сверху письмо, решив прочитать хотя бы одно, чтобы получить какое-то представление об этой корреспонденции до отъезда. «По крайней мере, – подумал я, – будет, о чём поразмышлять в самолёте». И первые же строки, написанные шариковой ручкой, меня потрясли удивительным совпадением, и оно оказалось не единственным.

Во-первых, письмо писалось десятого декабря. Я должен был вылетать в этот же день. Письмо писалось из Судана. Я должен был лететь в Судан.

Неужели письма передо мной написаны из той самой страны, куда я сейчас отправляюсь, из страны, о которой я только и делал последние дни, что читал в Интернете и покупал все книги в магазинах, чтобы досконально познакомиться с почти неизвестным для меня государством? Информация лежала в моём столе, а я охотился за ней по магазинам. И почему я вылетаю именно десятого декабря, как и написавший эти письма человек, только с разницей, что становится понятным, в несколько десятков лет? Возможно, я родился тогда, когда писались эти письма. Вопросов было столько, что они едва умещались в голове.

Но вот это первое письмо, начатое нестандартно. Автор, очевидно, был поэтической натурой. Хотя, почему «был»? Может, он и сейчас живёт и здравствует. Раскрываю и читаю желтеющие от старости страницы.

*Я приветствую тебя, мой дорогой Джо,
с пятнадцатой параллели
тридцать четвёртой широты
нашего земного шарика!*

Сегодня десятое декабря тысяча девятьсот семьдесят известного тебе года. Я в Судане, в его столице Хартуме. Ударение попрошу ставить в названии столицы на букву «у». Кстати, знаешь, почему так называли город? Он расположен в месте слияния двух рек Белого и Голубого Нила, которые, если посмотреть на карту напоминают хобот слона. Слово Хартум на арабском языке означает именно этот самый хобот слона. Так мне рассказали. Но у меня это вызывает некоторое сомнение. Неужели кто-то мог дать название городу, глядя на карту? Вполне возможно, что есть и другое объяснение происхождению названия. Попозже постараюсь выяснить. Но главное то, что, наконец, сбылась мечта поэта.

Понимаю твою жгучую зависть, но ничего не поделаешь: жребий пал на меня. Счастливей или нет, увидим дальше. Как же я благодарен секретарше директора, которая показала мне письмо из министерства с просьбой направить переводчика английского языка для работы в республике Судан. Не покажи мне она его, я бы сейчас здесь не был, так как директор спокойно ответил бы на это письмо, что нашему НИИ самому нужны переводчики, и отправлять кого-то за рубеж нет никакой возможности. Не сомневаюсь, что ответ нашего именитого профессора был бы именно таким, и его приняли бы в министерстве спокойно. Однако в кабинет директора вошёл с письмом я – человек, которого в институте называют «вхож к директору». Конечно, у нас прекрасные отношения, я много переводил ему писем и других материалов, да и на рыбалку вместе ходили. Ну, объяснил шефу, что моя работа за рубежом добавит мне практику живого разговорного языка, то есть повысит квалификацию, а это очень даже неплохо для всех. Неплохой аргумент, не правда ли? Пришлось, правда,

подыскать себе замену на время длительной командировки. Это я предвидел и потому, когда услышал прямой вопрос «А кто будет вместо тебя?», сразу предложил кандидатуру.

Да, но при этом произошла одна неприятная история, о которой не стал тебе сразу рассказывать. Она меня мучает до сих пор.

Понимаешь, когда я начал оформлять свои документы для командировки, неожиданно ко мне подошёл мой коллега Алик, которого, кстати, взяли на работу недавно с моего согласия переводчиком (к нам, ты знаешь, не так-то легко устроиться) и сообщил, что письмо из министерства с просьбой командировать переводчика в Судан организовал он и потому его должны были туда послать, а не меня. Я объяснил Алику, что сам лично видел письмо, в котором не было никаких фамилий.

Алик говорит: «Ты пойми, что так положено писать без имени. Но организовывал-то всё я, и в министерстве имели в виду меня, а не тебя. Так что ты пойдёшь к директору и откажись. А в следующий раз пошлют тебя».

Я говорю: «Алик, ты с ума сошёл? Что же ты мне сразу этого не сказал? Я бы никогда поперёк дороги не стал. Но я уже закрутил машину. Мы успели направить письмо в министерство с указанием моей кандидатуры. Кто ж теперь пойдёт на попятную? Мы ведь не в шахматы или шашки играем, где можно переходить».

Но парень долго меня ещё уговаривал отказаться, хотя мы его взяли к себе после недавнего возвращения из зарубежной командировки в Египет. Вообще-то совесть надо иметь. Он уже был за рубежом, а я нет. Да и скажи он мне о готовящемся письме раньше, я бы только помог ему. Всё-таки без моего согласия старшего переводчика, каковым я являлся, директор его никуда бы не послал. А так получился казус, в котором я ни коим образом не виноват. Но он обиделся, подал заявление об уходе, и его взяли работать инструктором в горком партии.

Потом с директором у меня был разговор на эту тему. Он пригласил меня в кабинет и показал второе письмо из Министерства, в котором действительно указывалось, что просят направить переводчиком Алика. Я спрашиваю: «Ну, и что теперь делать?» Он отвечает: «Ничего. Я своих решений не меняю. Поедешь ты».

И вот я здесь. Ура!

Понимаю твоё скептическое отношение к моему отъезду, но это же только на год. А не так часто выпадают подобные случаи. Тебе не хотелось соглашаться со мной в разговоре по телефону, так что я повторяюсь. Прости, пожалуйста. Как же я мог отказаться, когда уже всё закрутилось? И в министерстве меня встретили очень приветливо. В отделе загранкомандировок куратор Алексей Павлович внимательно осмотрел меня, оценивая мою внешность, и сказал то, что нельзя забыть:

– Вы мне кажетесь серьёзным человеком, и рекомендации вам дали хорошие. Но прошу иметь в виду следующее: вы нам дороги, как переводчик в прямом и переносном смысле. Иностранные фирмы, куда мы посылаем своих специалистов в порядке экономической помощи, платят за работу только наших инженеров, которые, к сожалению, не владеют иностранными языками. Платить за работу переводчиков иностранцы отказываются, поскольку в этом случае им было бы выгоднее приглашать специалистов из Америки или Англии, работающие без перевода. Вот почему наше государство соглашается само оплачивать услуги переводчиков, идя навстречу слабо развитым странам и продвигая свою технологию, свои заводы и, не забывая, свои идеи. Ты будешь представлять Советский Союз. Ты владеешь языком. Поэтому, как ты будешь вести себя и разговаривать, будут судить в первую очередь о нашей стране и нашей культуре.

Любопытно, что примерно тоже самое мне говорил какой-то инструктор в ЦК партии. Туда нужно было идти обязательно перед отъездом. Я никогда не думал, что такое огромное значение придаётся каждому, выезжающему за рубеж независимо от того, является ли тот или иной выезжающий коммунистом. Я-то, как ты знаешь, ещё комсомолец.

Сначала, правда, ГКЭС направил меня в какой-то кабинет в полуподвальном помещении для проверки на знание языка. Симпатичная женищина дала мне прочитать и тут же перевести небольшой текст. Я перевёл, не очень обрадовав её своим вариантом. Видимо и волнение моё дало себя знать, так как от заключения этой женищины зависело, признают ли меня годным для работы переводчиком, да и опыта подобных переводов на ходу у меня, конечно, ещё маловато. Но, посоветовавшись со своей коллегой, тоже слушавшей мою речь, она пришла к выводу, что в Африке, куда меня направляет Министерство пищевой промышленности, моих знаний выпускника романно-германского отделения может вполне хватить, тем более, что я горячо стал доказывать непреложную истину о великом значении практической работы, когда и ничего не знающий человек при сильном желании всё узнаёт и всё умеет. Словом, дали моим знаниям положительную оценку, тем самым утвердив моё направление.

Между прочим, потом у меня был неожиданно довольно неприятный момент в ЦК партии. Поскольку зима в Москве началась ещё в ноябре, то декабрь встретил весьма приличными морозами. Я надел красивый тёплый свитер. Пришёл в здание Центрального Комитета партии в назначенный час. Меня предупредили, что прибыть должен в бюро пропусков ни раньше, ни позже указанного времени. Прошёл по широким коридорам власти, открыл нужную дверь, и через секунду услышал замечание в свой адрес от поднявшегося из-за стола высокого мужчины в строгом чёрном костюме:

– Вы куда пришли, молодой человек? Почему в таком виде? Вы что не понимаете, что в ЦК партии надо приходить опрятно одетым в костюме с галстуком?

Я, конечно, страшно растерялся, а мужчина подошёл ко мне, протянул руку и попытался немного сгладить резкое начало:

– Ладно, сегодня я вас принимаю так, но на будущее, а я думаю, что вы не последний раз здесь, имейте в виду, что к нам, как на гулянку, не ходят. И помните о своей внешности за границей. Наши специалисты – инженеры, техники – не всегда об этом заботятся. Но у них такая работа. Они и мазутом могут испачкаться, и по шатким мостикам бегать, показывая, что и как делать. Это их дело. А за вас мы в ответе. Вы обязаны и выглядеть всегда хорошо, и вернуться целым и невредимым. И ещё очень важно. Когда наши специалисты в работе проявляют несдержанность, когда их захлёстывают эмоции так, что у них изо рта вырываются наши крепкие русские словечки, вы не должны всё точно так же переводить. Будьте дипломатом. Сглаживайте выражения, переводите суть.

Так что, славный мой Джо, видишь, как к нам относятся и чего от нас хотят? Ну, думаю, у тебя это всё тоже впереди. Кстати, в дополнение к теме об отношении. Я бывал раньше в Москве в командировках, и обычно меня устроивали в гостиницу в районе ВДНХ. Там целый комплекс высотных зданий под гостиницы. Всё там относительно комфортно, однако без особого блеска. А в этот раз гостиницу мне заказывал отдел загранкомандировок министерства. Так я попал в одну из лучших гостиниц Москвы на Калининском проспекте, построенную специально для сотрудников Совета экономической взаимопомощи, то есть СЭВ. Великолепный одноместный номер, скромный, но со вкусом. Огромное окно от потолка до пола с видом на центр города, постоянно копошащийся машинами, но где-то далеко внизу – я на восемнадцатом этаже.

Но пишу дальше, а то будешь обвинять в многословии, столь же неуместном в письме, сколь было уместно совсем недавно на наших студенческих парах английского языка. Ах, как он мне пригодился!

И так, первый день за границей. Этот памятный для меня день начался в полёте. Впервые я видел под собой мёртвую тысячу раз описанную в литературе пустыню. С самолёта её можно отлично рассмотреть. Вспоминаются сразу строки Пушкина «В пустыне жаркой и скупой на почве зноем раскаленной Анчар, как грозный часовой, один стоит на всей вселен-

ной». Но анчар я, конечно, разглядеть не смог, как ни пытался, ибо с такой высоты даже Останкинскую башню вряд ли можно заметить, а не то что деревце.

Интересен этот перелёт из Москвы вглубь Африки в декабре. В нашей столице двадцать два градуса мороза. По уши облачённый в тёплые одежды я мёрз от холодных порывов ветра, постоянно плюющегося снегом. Особенно он разошёлся на проспекте Калинина. Там задувает, словно в гигантскую трубу, и крутит метелью так, что не знаешь, куда повернуться, чтобы спрятаться. То слева чихнёт, то справа дунет и всего облапливает снегом, как ни кукожишься, как ни сгибаешься. Но я хитро поднимаю высокий воротник и показываю ветру кукиш. В это самое время замечаю, что с моего воротника потекли холодные струйки воды за шиворот. Я не сообразил, что на воротнике уже было много снега, и растаявший он тут же проник в укромные места моего тела, не терпящие щекотки. Так что не я ветру, а он мне показал, кто здесь хозяин. Пришлось мне прятать свой кулак в карман. Бр-р-р. Аж сейчас, когда пишу, холодно, хотя погода здесь далеко не морозная и не просто плюсовая, а тридцать градусов в тени. Это Африка, а не Европа. Но продолжим рассказ.

Лечу в Ту-124. Лайнер первоклассный. Но обращаю внимание на то, что никто из пассажиров не раздевается. Сидят, как воили, в свитерах, пиджаках, а некоторые даже в пальто. Кто-то укладывается спать – перелёт-то ночной – достают с полок одеяла, закутывают ноги. Что делать? Видимо, жаль было сразу расставаться с московским морозцем, вот и прихватили чуток с собой.

Сижку, слегка позванивая косточками от холода. Но это только первые минуты полёта. Потом температура нормализовалась. Спать не хочется совершенно. Шутка ли – впервые чёрт те куда несусь? Внизу сплошная борода белых облаков. Ни земли тебе, ни огонька. Хоть бы границу увидеть. Не видно, не смотря на то, что сверху в дыру неба яркий блин луны вставили, красивый такой, румянький. А вот и звёздный меч Ориона. Уж и насмотрелся я на него ночами в нашем маленьком городишке. Тут он выглядит таким ярким, словно только что начистили перед битвой. Руби и кроши им всё.

Спрашиваю между делом проходящую стюардессу, когда будем пересекать границу нашей Родины. Интересно всё же почувствовать переход и хоть мысленно сказать «До свидания». Но, боже мой, оказывается, мы её давно пролетели, а я-то думал, что всё ещё люблю красотами своих родных просторов. Какая оплошность – проморгал границу и не махнул ей рукой на прощанье.

Однако готовимся к посадке в Бейруте. Вот она первая зарубежная столица. Под крылом самолёта вдоль моря тянется длинный ручеёк мигающих огоньков. Куда он льётся без конца и края и где впадает в море огней, не видно. Срезаем крыльями последние километры над землёй, внизу проносятся тесно слепленные высокие дома, прямоугольные формы которых напоминают спичечные коробки – у нас не так – и вот мы задрожали по лётному полю.

Аэропорт часто называют лицом страны. Попробую описать тебе это личико. Кстати, не забудь, что тут идёт война и не игрушечная. У трапа нас встречают таможенники. По полю возле здания аэровокзала прогуливаются солдаты с автоматами наперевес. Перед входом в автобусы всем вручают транзитные талоны с отрывными корешками, на которых написано чьей-то ласковой рукой «refresh». Что имелось в виду, понял немного позже.

Заходим в зал. Слева бар, справа книжный киоск, посередине столы и кресла. Ну, кто куда, а я, как ты догадываешься, сразу к книгам. Во-первых, обрати внимание, никакого прилавка. Для нас это тоже уже не ново. Книги размещены на вращающихся стойках по десять-пятнадцать экземпляров каждого названия. Все стойки тематические. На одной детективы. Это самые популярные книжицы в мягких обложках из серии «пингвин бук» типа романов Агаты Кристи. Её продукции здесь полно.

Другая стойка приключенческая. Это я определил по названиям. Благо все книги на английском языке: морские приключения, горные приключения, приключения на озере, на реке и

так далее. Одна стойка посвящена вопросам секса. Целая подборка, рассказывающая о тонкостях брачной жизни. На стеллажах возле стены «выставка-продажа» порнографических журналов «Play Boy».

Я, разумеется, не кинулся голодным волком на то, чего не встретишь в нашей стране, а скромно пробежался «возмущённым» взором по обложкам. Последний раздел, то есть он стоит первым, но в шкафчике за стеклом, я обнаруживаю политическую литературу, рассказывающую об Африке, о связях Ливана с другими африканскими странами, о взаимоотношениях с Советским Союзом и другие.

По соседству с книгами стоит столик, за которым два продавца – вполне современно одетых молодых парня, может быть, чуть смуглее европейцев. Расплачиваться можно любой валютой. Тут же висит листок с курсом обмена валют. В списке различных валют нашего рубля нет, так что мы пока зрители в этом мире, а смотреть есть на что.

Подхожу к бару. Крупный, я бы даже сказал, толстоватый бармен с маленькими усами проворно выхватывает у меня из руки посадочный талон, ничего не спрашивая, отрывает корешок с надписью «refresh», что означает «освежись», и вручает вместе с талоном бутылку пепси-колы. Стало быть, я могу прополоскать своё горло. А пить и в самом деле хочется. Сажусь за стол, вынимаю из бумажного кулёчка соломинку и медленно тяну освежающий, приятно покалывающий изнутри напиток.

Напротив усевшихся в кресла пассажиров, чуть ли не посреди зала несколько арабов в длинных белых одеяниях типа хитонов (узнал потом – они называются джелобия) начали молиться. Одни стояли на коленях и, молча, периодически кланялись до пола. Другие поднимались на ноги, как бы завершив молитву, но потом снова опускались на колени. Пожилой араб, как и все в белом хитоне, молился деловито, но видно было, что ему чего-то не доставало. Он всё время ёрзал, стоя на коленях, поглядывая по сторонам. Наконец, он поднялся и ушёл, но вскоре вернулся, неся в руках белую подстилку, положил её перед собой, опустился теперь на неё и продолжил молитву.

Некоторые молящиеся переговариваются между собой, кто-то кричит о чём-то через весь зал другому арабу. Одни арабы уходят, другие появляются и начинают свою молитвенную процедуру. Не знаю, сколько это у них продолжалось, так как молодая симпатичная девушка в короткой юбочке и форменной кофточке энергично замахала нам рукой, приглашая в самолёт. Объявление о посадке в динамиках прозвучало, но было на английском языке, который не все наши пассажиры понимали.

Мы направились к выходу на поле, но ливанский солдат тут же перегородил его столиком. Двое других подошли к небольшому аппарату у стены и начали включать и выключать кнопки и тумблеры. У них, видимо, что-то не получалось. Аппарат напоминал самоделку, и солдаты явно не знали, что с ним делать. Наконец, посоветовавшись с лицом в гражданской одежде, они оставили покое свою «адскую машинку», отодвинули с прохода стол и стали пропускать пассажиров, ощупывая женский пол глазами, а мужской руками, чем несколько смущали сильную половину человечества.

Самое интересное было в том, что именно моя персона доставила таможенникам минуту беспокойства, когда рука одного из них наткнулась на мой оттопыривающийся карман пиджака. Тебе ли не знать, что все мои вместиллица костюма всегда заполнены увесистыми блокнотами, которые у досматривающих вызывают подозрения, поскольку, наверное, напоминают форму пистолета. Но я спокойно пояснил, что это блокноты, коротко бросив «notebooks», и меня пропустили, не требуя доказательств.

И снова я в родном самолёте в уже полюбившемся кресле. А тут и ночной завтрак подоспел, что было весьма кстати, поскольку голод начал посвистывать в пустом желудке. Ну, то да сё, пора бы и вздремнуть, так уж и Каир на горизонте. И теперь в иллюминаторе не ручейк, а целое море огней, ибо город не вытянут резиновым жгутом подобно Бейруту, а

брошен плашмя своими огромными квадратными глыбами зданий на плоскую равнину. Так он и застыл.

В Каире двенадцать градусов плюс. Подумалось, что не очень балует Африка теплом. Хотя, конечно, на дворе ночь. На трапе из самолёта пришлось застегнуть плащ, дабы ветер не летал в моих подмышках.

Здание аэровокзала всё в строительных лесах, но уже просматривается современный европейский стиль. Внутри богатство и роскошь, многочисленные рекламы, прилавки золотых украшений, французской парфюмерии, японских магнитофонов, местных сувениров, литературы. Между прочим, не заметил ни детективов, ни порнографии. Да, это другая страна.

По всем залам бегают расторопный кельнер, предлагая поесть, но желающих трапезничать после завтрака в самолёте немного. Объявляют посадку на английском и неожиданно на русском языках. Все валим гурьбой. Никто никого не проверяет. Спокойно занимаем свои места. Тут я замечаю, что хочется спать. Неудивительно – около шести утра. Всю ночь бодрствовал. Окунаюсь с головой в сон.

Просыпаюсь от милого предложения стюардессы поесть, но не хочется, и отказываюсь, о чём пожалел через несколько часов. А пока смотрю в иллюминатор – картина расцвета необыкновенна. Никогда ничего подобного не видел. Кругом пустыня. На ярко белой полосе горизонта вдруг вспыхивает факел, поднимается вверх, расширяясь на глазах, и совершенно неожиданно из какого-то марева или дымки буквально вывалился огромный огненный шар, который сразу же начал подниматься над горизонтом. Фантастическое зрелище. Но пустыня под солнцем не зажила, не заискрилась. И не удивительно – песок её отнюдь не сахарный. Ни дорог, ни рек, ни посёлков на сотни километров вокруг. Но в конце концов это должно было случиться – появляется сначала зелёная полоска, за нею голубая полоска реки и город. Огней нет – всё и так видно. Девять часов утра. Перелёт закончен. Расстаюсь с последним кусочком советской России – самолётом, так бережно доставившим меня на другой континент земли.

Я в Африке. Жара. Мы начинаем, по образному выражению одного товарища, который только что вернулся с Кубы, плавать в собственных штанах от пота. По-моему, на английском языке эта мысль прозвучит так же смешно, как на русском, но главное, точно отражает состояние.

Раздеваться на ходу мы, конечно, не стали. Всё это было позже. Но должен тебе сказать, что я ещё не совсем отошёл от перемещения с континента на континент, и есть кое-какие дела, так что извини, но завершу своё первое письмо, дабы отправить его поскорей с отлетающими в Москву, которым, как ни странно, начинаю завидовать. Так, очевидно, рождается ностальгия.

Свои первые впечатления от приезда, от города и африканцев (они тут и белые, и чёрные, и какие только хочешь) опишу в следующем письме. Думаю, ждать долго не придётся.

Привет!

Твой Юджин

ГЛАВА 2 КОЕ-ЧТО ПРОЯСНЯЕТСЯ, НО ВОПРОСЫ ОСТАЮТСЯ

Чтение писем прервал телефонный звонок. Моя пассия хотела узнать, чем я занимаюсь и не рвануть ли нам в кафешку. Встречаемся как обычно в домжуре, ведь мы оба работаем в газете, что же нам не встречаться в доме журналиста? Подруга моя стройна, элегантна, красива. Дружим давно, с институтской скамьи факультета журналистики МГУ, а принять решение

жить вместе как-то ни мне, ни ей всё не приходит в голову. Такое впечатление, что каждому что-то мешает сказать простые слова «давай поженимся». Может быть, она ждёт эти слова от меня, а я откладываю и оттягиваю. Наверное, если слова любви не вырываются из груди сами собой, то, может, и не стоит о них думать? Но мысли сами приходят в голову, не спрашивая, стоят они того или не стоят.

– Зайчонок, – говорю я ласково, усевшись на стул и ставя наши дежурные чашечки кофе, – хочешь, я прочитаю тебе письмо из прошлого? Оно поразило меня только что и, полагаю, тронет и твою серьёзность.

Анна широко улыбается, глядя на меня, кивает головой в знак согласия, но говорит совсем другое:

– Наверное, так и будет, только сначала возьми нам по рюмочке коньяка и бутерброды с сыром. Надо же отметить твой предстоящий отъезд. Я, конечно, приду проводить тебя, но это само собой. И я хочу услышать, какие у тебя возникали проблемы с этой командировкой, о которых ты мне намекал по мобильнику.

Спустя пять минут, заказ моей дамы был выполнен: на столе появился графинчик с коньяком, ломтики горбуши, сыр, хлеб, масло, маслины, салат оливье.

– Отмечать, так отмечать – сказал я.

– Ну, а что за проблемы обеспокоили короля моего сердца? – спрашивает Анна после того как мы звонко свели наши рюмки вместе за успех путешествия и сделали по глотку мягкого армянского коньяка.

Я пожимаю плечами.

– Была одна неприятность. На следующий день после разговора с главным ко мне подошёл Ашот Саркисян из отдела политики, отозвал в сторону и говорит:

– Ты согласился ехать в Судан? Откажись.

Ну, я покрутил пальцем у виска:

– С ума что ли сошёл? – говорю. – Чего я буду отказываться? Пять лет ждал, что куда-нибудь поеду.

А Ашот настойчиво повторяет:

– Откажись. Тебе же лучше будет. Это ведь моя идея была направить нашего корреспондента в Судан, разобраться, что у них с югом происходит. Я и должен ехать. А тебя пошлют куда-нибудь ещё.

– Ну, я ему посоветовал самому пойти куда подальше. Вот деятель. Я уже оформляться начал, а он тут со своими предложениями. Да откажись я от этой командировки после того, как согласился, меня уже вообще никуда не будут посылать, кроме как к чёрту. Тогда как он сам всего месяц назад вернулся из Лондона. Теперь в Африку хочет погреться на солнышке среди зимы.

Анна смотрит на меня в упор серьёзными глазами, спрашивая:

– Ты всё продумал? Ваш Ашот армянин?

– Разумеется, раз Саркисян. А что?

– Ты как первый день на свет родился. У них же здесь своя диаспора в Москве, своя мафия, свои связи. Мне кажется, он на это и намекнул, когда сказал «тебе же лучше будет».

– Ты так это поняла?

– А как иначе? Прямая угроза.

– Тьфу, чёрт! Я над этим и не задумался. Просто послал его сгоряча.

– Национальные меньшинства, дорогой Женя, посылать надо обдуманно. Они народ горячий, особенно кавказцы. Неровён час: пырнут ножом в темноте или чего доброго пальнут из проезжающей машины – и нет твоей командировки, а поедет он, твой Ашот. Теперь время такое – всего можно ожидать. Надо было расходиться по-доброму, а не посылать друг друга.

– Что ты меня пугаешь? – возмущаюсь я. – У меня бицепсы почти с детства боксом накачены. Да и не станет никто из-за командировки целую трагедию раскручивать. Ты лучше послушай, какое удивительное письмо я сегодня прочитал.

Достаю из кармана пиджака вложенные уже мною в современный длинный конверт страницы письма и начинаю читать вслух, останавливаясь иногда и поясняя совпадения:

– Смотри, он вылетел десятого декабря, и я вылетаю тогда же... Он в Судан, и я туда же... Он переводчик, и я, хоть не совсем переводчик, но с английским... он впервые, и я... Даже отказать от поездки просят его, как и меня.

– Не совсем так же, – мрачным голосом замечает Анна. – Ему, как я поняла, его товарищ не угрожал.

– Ты права, он просто ушёл с работы. Времена другие. И заметь ещё: он нигде никому не платит деньги за то, что его посылают на, так называемое, хлебное место.

Закончив чтение, обращаю внимание ещё на одно совпадение:

– Смотри на подпись – «Юджин».

– Что это? – не поняла Анна.

– Всё просто. Это английский эквивалент имени Евгений, то есть его звали, как и меня.

– А он уже умер?

– Нет, этого я не знаю. Вообще о нём мне пока ничего неизвестно, кроме того, что только что прочитал.

– Зато мне известно, – говорит Анна, понижая голос чуть не до шёпота, – что за тобой наблюдают.

Взгляд девушки был направлен вверх моей головы.

– Не крути голову и не оборачивайся резко. Я всё вижу. За стойкой бара уже минут пять, как сидит человек армянской внешности. Не друг ли он твоего коллеги? Здраваться с тобой, как я понимаю, не собирается. Конечно, и это может быть совпадением, но другого плана. Он поглядывает на нас, как бы случайно, и пьёт кофе. Мне это не нравится после твоего рассказа.

– Не драматизируй, пожалуйста, – успокаивающе улыбнувшись, говорю я. – Пойду, возьму ещё нам кофе.

Поднимаюсь, иду к бару. На высоком стульчике, слегка вращая своё тело из стороны в сторону, сидит незнакомый мне крепыш. Глянув на его лицо, почему-то сразу подумалось, что маленькие чёрные усики могут быть приклеенными.

Пока Лариса наполняет чашки из кофеварки, небрежно задаю вопрос:

– Чем кормимся, коллега?

Парень криво ухмыльнулся:

– Глаза есть? Пью кофе.

– Нет, я имею в виду, в каком жанре работаешь?

– Я не работаю в жанре. У меня свой бизнес.

Едва скрывая улыбку, чтобы не обидеть неграмотного собеседника, расплачиваюсь, осторожно отношу чашки вспененного напитка за свой столик и со смехом передаю разговор Рите. Она не смеётся, а напротив, даже хмурится.

– Жень, это не смешно. Он, скорее всего боевик, и его поджидают дружки снаружи в машине. А мы оба пешие сегодня. Не очень хорошо.

– А не фантазия ли у тебя в голове?

– Может и так, но лучше перестраховаться. Я позвоню отцу.

Анна раскрывает сумочку, берёт мобильник, нажимает нужную кнопку. Голос её звучит спокойно, деловито:

– Папа, я с Женей в домжуре. У нас может возникнуть проблема... Да это тот Жень. Он через два дня летит в Судан, но успел стать поперёк дороги коллеге армянского происхожде-

ния. Тот ему мягко пригрозил, предложив отказаться от командировки, чего Женя не сделал, и вот за стойкой бара сидит незнакомый армянин и наблюдает за нами.

Выслушав ответ, девушка кивнула в знак согласия головой и, сказав коротко «Спасибо, ждём», облегчённо вздыхает:

– Всё нормально. Минут через пятнадцать он будет на машине со своими людьми. Считай, что ситуация под контролем.

– Но зачем, Аня? Возможно же, что ты ошибаешься?

– Дорогой мой, возможно всё, но у меня нехорошее предчувствие, потому лучше подстраховаться. Отец развезёт нас по домам, и я буду спокойна за тебя, так как теперь твой коллега с сотоварищами поймут, что ты не с солнцепёка свалился, и голова у тебя работает.

Между тем человек за стойкой бара разговаривает по мобильному телефону. Разговор слышен, но непонятен – язык чужой. Спустя несколько минут в бар входят двое крепко сложенных молодых людей той же национальности и садятся за соседний с нами столик. К ним присоединяется и тот, что стоял у стойки. Подозвав бармена, заказывают себе армянский коньяк и закуски.

– Смотри, – говорит мне тихо Анна, – их трое, а бармен принёс пять приборов и поставил пятый стул. Что бы это значило?

– Не обращай внимания, – отвечаю. – Это их дело.

Однако дело оказывается и нашим. Крепыш, сидевший у стойки бара, поднимается и подходит к нашему столику. Взгляд мой опять падает на его усики, кажущиеся приклеенными под широким с горбинкой носом. Глаза выглядят несколько злыми, никак не соответствующими словам, произносимым с заметным акцентом:

– Ми отмечаем наш небольшой армянски праздник. Приглашаем вас за наш стол.

Я успеваю подумать, что Анна оказалась права, руки мои непроизвольно напрягаются, ладони сжимаются в кулаки. Боксом я занимался много лет и страха перед противником не испытывал никогда, хотя проигрывать приходилось, и дальше первого разряда не пошёл. Но отвечать пытаюсь сдержанно:

– Спасибо, но мы уже уходим.

– Пять минут туда-сюда не имеют значения, а ми будем рад русским гостю, – продолжает крепыш, подсаживаясь к нам на свободный стул.

Двое других за соседним столом внимательно слушают разговор.

Анна говорит более раздражённым голосом:

– Вам же сказали «спасибо за приглашение», но нам надо уходить.

– Ви кофе не пил ещё. Куда спешить? Или не нравится наш лица?

Этого конфликтного вопроса следовало ожидать. Как бы вежливо вы на него ни ответили, как бы вы ни утверждали, что цвет кожи и форма носа для вас не имеют значения, однако вам действительно не с руки пить с незнакомцами, но желающий обидеться человек национального меньшинства сочтёт вас грубияном, оскорбляющим национальную гордость другого народа. Два соседа поднялись со своих мест. Начинаю сознавать, что готовится драка, в которой мои два кулака могут не справиться с шестью не менее натренированными, чем мои. И вдруг слышу за спиной:

– Есть проблемы?

Мы не заметили, как в бар вошли четверо. Впереди, оттолкнув мешавший на пути стул, шёл отец Анны. Он и спрашивал.

– Доча, кто это с вами?

– Не знаю, пап, – громко отвечает Анна. – Приглашают выпить, а нам надо уходить.

– Посидите ещё, – твёрдо впечатывая слова, бросает отец Риты и, обращаясь теперь к вскочившему крепышу, цедит сквозь зубы:

– Убирайся отсюда, Эд. Здесь не твоя зона.

Затем он кивает головой своим сопровождающим:

– Проводите и возвращайтесь. Отпразднуем отъезд журналиста.

Крепыш подобострастно улыбается, говоря примирительным голосом:

– Извини, дядька. Не знал, что это твой дочь. Ми заказал на столик. Пей, ешь, я плачу, мой вина.

Достав из заднего кармана брюк пачку купюр, он отделяет несколько тысячных, бросает на свой стол и идёт со своими партнёрами к выходу. За ним, не говоря ни слова, следуют трое, прибывшие с отцом Риты, который говорит вдогонку:

– Журналист тоже мой человек, Эд. Запомни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.